

Глава 1

Переступив порог залитой утренними весенними лучами солнца просторной спальни, Гуров на мгновение замер и слегка прищурил левый глаз. Веки его непроизвольно дернулись от увиденной картины. Он незаметно бросил косой взгляд на прибывшую вместе с ним напарницу. Майор Старовойтова неприязненно поморщилась, откинула со лба непослушную белокурую прядь и негромко произнесла:

— Кто-то неслабо покуражился над жертвой.

Ольга Старовойтова появилась в Главке чуть более года назад посредством перевода из Питера, и если поначалу Гуров относился к новой сотруднице несколько скептически, то со временем девушке удалось завоевать расположение старшего по званию. В отсутствие полковника Крячко Гуров все чаще предпочитал работать в паре именно с ней. Хотя и не всегда одобрял те или иные действия майора.

Взгляд его вновь обратился к болтавшемуся в петле обнаженному труп. Кто бы ни был убийцей отставного военного генерала Всеволода Арзамасцева, он совершил преступление с особой жестокостью. Просто повесить свою жертву ему показалось, мягко говоря, недостаточно. У генерала были выколоты оба глаза, отрезаны нос и уши, а вспоротый живот представлял собой огромную окровавленную и зияющую пустотой безобразную рваную рану. Выпотрошенные внутренности валялись на полу в растекшейся луже крови, распространяя по комнате мерзопакостный, тошнотворный запах. Мужское достоинство Арзамасцева было также отделено от тела и лежало неподалеку, рядом с другими отрезанными частями. Убийца не стал ничего забирать с собой.

Старенький, сгорбленный временем судмедэксперт, сидя на корточках, захлопнул свой изрядно потрепанный и полинявший саквояж, тяжело вздохнул, поднялся во весь свой небольшой рост и обернулся. Его глубоко посаженные выцветшие глаза встретились с глазами полковника. Мужчины кивнули друг другу в знак приветствия, после чего, переваливаясь на ходу, как утка, судмедэксперт неторопливо двинулся навстречу сыщику. Самуил Маркович Климинштейн

так долго работал в этой системе, что Гуров потерял счет его годам.

— Утречко доброе, Лев Иванович, — прошамкал старик, протягивая руку для пожатия. Затем отвесил галантный поклон Старовойтовой.

— Доброе? Вы и вправду так думаете, Самуил Маркович?

— Конечно. — Старика сложно было смутить подобными вопросами. Он сунул руку во внутренний карман серого пальто, извлек небольшой контейнер с капсулами, вытряхнул одну из них себе на ладонь, отправил в рот, быстро проглотил и продолжил: — Я вас умоляю, уважаемый Лев Иванович: в моем-то возрасте каждое утро кажется добрым, если тебе таки удалось проснуться. А если нет... то тут еще стоит посмотреть.

— Понятно, — скупо улыбнулся Лев и тут же добавил, кивнув в сторону подвешенного к огромной люстре обнаженного изуродованного тела, рядом с которым все еще продолжали суетиться двое молодых подчиненных Климинштейна: — У вас уже есть что мне сказать, Самуил Маркович?

— Тю-ю, Лев Иванович! Какой вы, я таки посмотрю, быстрый и нетерпеливый, — покачал головой судмедэксперт

и пригладил рукой свои реденькие седые волосы на макушке. — Прямо как моя Золочка в юные годы. Держите себя в обеих руках, в самом деле. Вы таки не первый год замужем, как говорили у нас в Одессе, и должны не меньше моего понимать, что спешка в таком деле — плохой советчик. Я бы даже сказал — ужасный. Я настоятельно советую вам, молодой человек, дожидаться официального заключения, а потом таки и сыпать нетерпеливыми вопросами. Уверяю вас, заключение не заставит себя ждать. Сделаю все в лучшем виде. Но только в том случае, если никто не станет меня торопить, как старую бабку на пожаре...

— Хорошо, хорошо! — Гуров с улыбкой вскинул обе руки вверх в знак капитуляции. Он прекрасно знал, как следует общаться с вечно брюзжащим и склонным к наставлениям Климинштейном. — Но предположить вы хотя бы можете, Самуил Маркович? Отчего наступила смерть?

— Предположить?

— Да.

— Предположить могу. Отчего же не предположить? Это мы завсегда охотно. Это нам...

— Так предположите, — мягко перебил Лев судмедэксперта.

— Ну... — Самуил Маркович слегка пожевал верхнюю губу. — В том, что смерть сего господина наступила-таки в результате удушения, я практически уверен. Немало посмотрелся на повешенных. Я таки их повидал столько, Лев Иванович, сколько бисеринок пота не наберется на лбу шлюхи во время исповеди. Но при этом совершенно очевидно и то, что он быстро умер бы от потери крови, если бы его вовремя не повесили. После того как тебе выпускают все кишки наружу, Лев Иванович, люди таки обычно долго не живут.

Гуров согласно кивнул и спросил:

— А время смерти?

— Часов пять назад, я полагаю. — Самуил Маркович снова пригладил волосы и переложил саквояж из одной руки в другую. Размял затекшие пальцы. — То есть, по моим скромным расчетам, смерть наступила-таки около трех часов ночи. Но более точно, Лев Иванович, я смогу сказать вам чуть позже. Согласно полному протоколу. Наберитесь терпения. Вы же, в конце концов, не девятилетний сопливый пацан, навешивший селедки с молоком. Вы таки сыщик со стажем...

— Хорошо. Я вас понял, Самуил Маркович. Наберусь, — ответил Лев и вновь пожал

сухощавую руку старого судмедэксперта. — В любом случае огромное вам спасибо!

— Тю-ю! Я вас умоляю, уважаемый! На что мне ваше спасибо? Его таки, как известно, ни на что не намажешь. И лекарства в аптеке по нему не отпускают. Я лишь стараюсь добросовестно выполнять свою работу. Только и всего, знаете ли... Кстати, ребяташки мои закончат с телом уже минуток через пять, и вы можете снимать его, ежели вам угодно...

Продолжая бубнить себе под нос что-то неразборчивое, старик развернулся и, все так же переваливаясь с ноги на ногу, направился к выходу из комнаты. Гуров дождался, пока сутуловатая фигура скроется в проеме, а затем вновь окинул место преступления цепким взглядом.

Убранство спальни покойного генерала Арзамасцева выглядело богато. Широкая двуспальная кровать из мореного дуба, высокий шкаф, инкрустированный бронзовыми вензелями, столик из зеленого африканского мрамора рядом с окном, невероятных размеров плазменный телевизор последней модели, тяжелые габардиновые занавески и, разумеется, люстра богемского стекла, которая, собственно говоря, и стала частью импровизированной виселицы.

Лев прошел вперед, обогнул лужу крови и остановился возле окна.

— Жора! — негромко окликнул он старшего лейтенанта Бурмистрова, вполголоса общавшегося со вторым дактилоскопистом, колдовавшим возле плазменного телевизора. — Рассказывай. Что удалось выяснить по горячим следам?

Старлей приблизился к нему, держа в правой руке наполовину съеденный хот-дог, покоившийся на пропитанной кетчупом и майонезом салфетке. Вид изуродованного тела хозяина особняка и запахи гниющей плоти нисколько не влияли на аппетит Бурмистрова. С того момента, как он появился в отделе Гурова, полковник ни разу не видел старшего лейтенанта не жующим, челюсти молодого сотрудника постоянно находились в движении. Но парнем он был толковым и, по мнению Гурова, перспективным, а значит, с некоторыми его причудами можно было и примириться.

— Честно говоря, немного, товарищ полковник, — ответил Бурмистров. — Но отпечатки пальцев есть, и это уже хорошо, будет с чем работать. Надо только дождаться результатов, и я прогоню их по базе данных. Глядишь, появится парочка подозреваемых, а то и больше.

— Кто обнаружил тело?

— Приходящая уборщица. — Бурмистров отщипнул зубами еще кусок сосиски. — Но она не в зуб ногой, товарищ полковник. Я уже пообщался с этой добротной во всех отношениях дамой, и... Тут явная «пустышка», ничего толкового она не знает. Кстати, она внизу, на кухне. Я не стал ее отпускать на случай, если вы захотите тоже с ней поговорить. Но говорю вам, этодохлый номер. Она убирается в загородном особняке генерала раз в неделю. Сегодня как раз ее выход... По ее словам, она и не ожидала кого-то тут застать. Арзамасцев, если и ночевал дома, уезжал рано, еще до ее прихода. А в этот раз... Она всегда начинала уборку со спальни генерала. Поднялась, увидела все это и тут же позвонила нам, в управление. Утверждает, что ничего не трогала. Лично я склонен ей верить. На вид совершенно бесхитростная баба. Ну, типа без всяких посторонних «тараканов» в башке.

— Во сколько она пришла? — уточнил Лев.

— В семь. Как обычно.

— У нее есть предположения, кто мог сотворить такое?

— Ни малейшего. Я же говорю, толку от нее как от козла молока, товарищ полков-

ник. Ни черта она не знает. Можете сами убедиться, если мне не доверяете.

— А другие свидетели есть? — Гуров вновь мрачно взглянул на подвешенное к люстре обнаженное тело. Подручные Самуила Марковича уже оставили его в покое и молча удалились из спальни. — Соседи? Случайные прохожие?

— Да какие тут могут быть свидетели, товарищ полковник? — усмехнулся старший лейтенант. — Сами же знаете эту публику... Ну, тех, кто владеет такими особнячищами... Забились как крысы по своим навороченным норам и даже имен-фамилий ближайших соседей не знают, не то чтобы что-то увидеть или услышать... Такие бирюки, даже если случайно что-то подметили, все равно не скажут. Зачем им лишний геморрой? Верно?

— Но ты пообщался с ними? — не отставал Гуров.

— А то как же! — Из правого кармана куртки Бурмистров извлек пакетик с арахисом, распечатал его и, бросив в рот пару орешков, с удовольствием захрустел. — Вы меня обидеть хотите, товарищ полковник? Это ж первым делом. Как учили.

— И что?

— Так говорю же, ничего, — пожал плечами старлей. — Семьи в двух домах по со-

седству ничего сообщить не смогли. А третий дом пустует. Уже неделю, если верить очевидцам. Куда-то в загранку укатили. Остальные особняки дальше по дороге. Туда я сам ходить не стал, участкового отправил. Пусть опросит, может, и отыщется случайный свидетель. Ну, или свидетельница... Только навряд ли, товарищ полковник...

— Ладно, — кивнул Лев, — рассказывай дальше. Что показали камеры внешнего наблюдения? Когда шел по тропинке к дому, я заметил парочку.

— А вот тут интересный моментик, товарищ полковник. — На пару минут Бурмистров даже прервал свой жевательный процесс. — Там их не парочка, а гораздо больше. По всему периметру. Я лично проверил. И даже камеры внутреннего наблюдения имеются. Но все они со вчерашнего вечера отключены. Равно как и сигнализация. Хотя, как показывают записи, прежде камеры работали в круглосуточном режиме.

— Интересно, — протянул Гуров.

— Не то слово. — Старлей снова отправил в рот два или три мелких орешка. — Я вам скажу больше, товарищ полковник. Убийца или убийцы не могли этого сделать самостоятельно. Чтобы отключить камеры и сигнализацию, нужно знать код.

— Стало быть, их отключил сам Арзамасцев? Так получается?

— Либо он, либо кто-то еще, кто знал код.

— Семья у покойного была? Родственники, близкие?

— Только жена. Без детей. Но, судя по содержимому гардероба и беглому осмотру всех комодов и тумбочек в доме, она тут не жила.

— Но она могла знать код?

— Вероятно, — уклончиво ответил Бурмистров и тут же лукаво прищурился: — Есть еще одно интересное обстоятельство, товарищ полковник.

— Какое?

— Лев Иванович! — окликнула напарника Старовойтова. И Гуров, и Бурмистров одновременно обернулись. — Взгляните-ка. — Она сидела на корточках рядом с разобранной постелью и осторожно держала двумя пальцами кончик шелковой наволочки одной из подушек. — Здесь следы от помады. Едва заметные, но определенно свежие. Бледно-розовый цвет. И даже рисунок губ немного просматривается.

— Верно, товарищ майор, — с улыбкой поддержал ее старлей, и очередная порция арахиса скрылась во рту. — Об этом интерес-